

Звонкий, почти невесомый смешок, наполненный презрением и ленивой насмешкой, мгновенно погасил весь гул в храме.

Сидящий на холодном полу Цзянь Чжэнь сразу понял, кто это. Он ведь рассчитывал вызвать Юя или хотя бы Сянь Хуана — кого-то, кто мог бы оставить этим людям шанс выжить. Но, похоже, в итоге связь дошла... до самого Дажэна.

Ни главарь, ни его прихвостни, кажется, даже не осознавали, в какую беду вляпались.

Мелкий хмырь дернул босса за рукав:

— Б-босс! Кажется, он нам не верит!

Шрамолицый, конечно же, не мог потерять лицо перед своими людьми и тут же взорвался:

— Если не принесёшь деньги, за жизнь твоего паренька и ребёнка я не ручаюсь!

И, сказав это, он бросил злой, почти хищный взгляд в сторону затаившегося в углу Цзянь Чжэня.

Маленькая Травинка: «...»

За что это на него так смотреть?

Кто тебя игнорирует — с тем и разбирайся!

Свиток, висящий в воздухе, горел, словно испытывая непереносимую боль; по лицу демона, поддерживающего в нём поток магии, уже проступила смертельная бледность.

Когда напряжение в храме стало почти осязаемым...

Лишь тогда Нэ Цзиши наконец произнёс негромко, лениво, но так, что мороз прошёл по коже:

— Пусть он говорит со мной.

Шрамолицый по натуре был дерзким и вспыльчивым. Слова Дажэна были вовсе не вежливыми — по идее, он должен был взбеситься. Но голос существа, которое всю жизнь стоит над другими, сам по себе несёт такую силу, что даже не напрягаясь, заставляет повиноваться.

И вот Цзянь Чжэнь увидел, как Шрамолицый действительно несёт к нему свиток.

Свиток чуть опустился, и у Цзянь Чжэня сердце подпрыгнуло к самому горлу — в тот миг над головами раздался ленивый, но властный голос:

— Паренек значит?

Это слово, которое в обычной жизни звучит так ласково, в его исполнении стало ледяным, наполненным насмешливым холодом.

Маленькая Травинка: «...»

Плохие предчувствия накрыли внезапно и все разом.

Бледное, испачканное пылью лицо Цзянь Чжэня дрогнуло; он моргнул черными, влажными глазами и тихо, совсем по-детски слабо произнёс:

— П... паренек.

Воздух будто бы мгновенно застыл.

Есть такие слова — стоит только раз решиться их проглотить, и они начинают слетать с губ сами.

Цзянь Чжэнь глубоко вдохнул, глаза у него заблестели слезами, и он жалобно сказал:

— Муж, пожалуйста, скорее спасай меня и нашего ребёнка... этот большой брат сказал, что если ты не придёшь, он меня продаст!

Шрамолицый взвился:

— Да на кой он тут нужен! Пусть прийдёт деньги — и всё!

Свиток продолжал парить в воздухе.

На той стороне вдруг стало подозрительно тихо. Тишина была настолько мёртвой, что вызывала липкий страх.

Шрамолицый тоже это понял и раздражённо рявкнул на свиток:

— Эй! Чего замолчал?!

Но свиток в ту же секунду вспыхнул, сгорая дотла, рассыпаясь в дым, который исчез в воздухе без следа. Демон, который подпитывал его магией, с хрипом выблевал кровь и обмяк — белый, как мел.

— Эй, ты че?! — закричали его поделники.

Шрамолицый, ошарашенный, решил, что его попросту разыграли. От ярости он выхватил меч, уставился на Цзянь Чжэня и зарычал:

— Ты что, издеваешься надо мной, а?!

Цзянь Чжэнь честно и совершенно невинно сказал:

— Нет. Я, кажется, и правда беременен.

Сянь Хуан бы не стал шутить на такие темы.

Шрамолицый был взбешён: потерял людей, потерял лицо — грех не сорваться.

— А твой этот муж что ж так не торопится?! Неужели вы поссорились, потому что носишь какого-то чужого ублюдка?!

Цзянь Чжэнь тихо ответил:

— Он придёт.

Шрамолицый фыркнул:

— Ты что несёшь, ты...

«Бум!»

Оглушительный грохот донёлся извне. Снаружи раздались визгливые, душераздирающие крики стражников. Ворвавшийся в храм ветер взвыл, закружил дождевые капли, принёс с собой запах крови. Храм дрогнул, словно вот-вот рухнет; леденящий, острый как нож ветер полоснул людям по лицам, оставляя кровавые борозды, но лишь одного юношу в простых светлых одеждах он не коснулся ни на каплю.

И вместе с порывом в зал обрушилось всепоглощающее давление — тяжёлое, как Небеса, раскалывающие землю. Это было присутствие Дажэна, от которого тело не слушалось, а душу пронзала первобытная дрожь.

Шрамолицый, едва держась на ногах, медленно обернулся — и увиденное, казалось, врезалось в его память на всю жизнь.

Обломки стен взмывали в воздух, крыша рушилась под ливнем, а посреди размытой дороги стоял мужчина в тёмных одеждах. Его одеяние развевалось на ветру, но на нём не было ни капли грязи; чёрные волосы, подхваченные потоками ветра, обрамляли бледную, почти нездешнюю кожу. На прекрасном лице вспыхивали алые глаза — настолько пугающие, что один только взгляд обрывал дыхание. На губах играла улыбка, но в ней не было тепла — только холод, только высокомерие существа, смотрящего на мир как на толпу насекомых.

Он шагал к ним. Шёл не спеша.

И дождь, будто признавая превосходство, обходил его стороной.

И только шаги были слышны отчётливо — тяжёлые, ровные, как барабанный бой посланника смерти.

Губы Шрамолицего задрожали:

— Мо... Мо... зун...

Взгляд Мозун Дажэна упал на него. Голос прозвучал лениво, почти сонно — и оттого ещё страшнее:

— Кого ты сейчас оскорблял?

Всего один взгляд.

Шрамолицый рухнул на колени со звуком «пух», ноги у него сразу стали ватными. Он завопил, сбиваясь:

— М-Мозун, Бог демонов, великий Мозун Дажэн, пощадите! Я не знал, что свиток связывает вас!

Владыка тихо усмехнулся, бросив взгляд на юношу, сидящего у стены:

— Я слышал, — сказал он ровно, — ты собирался продать моего мужа. И моего ребёнка.

Шрамолицый в ужасе чуть не перекусил язык.

— Как я мог! Это... это недоразумение! Недоразумение, правда...

Но договорить он не успел.

Где-то неподалёку раздался отчаянный, звериный вопль — один из бандитов, пытавшийся сбежать, вспыхнул в огне душ, и за одно мгновение его тело обратилось в пепел, смытый дождём.

Шрамолицый оцепенел. Жуткий страх нахлынул, сметая всё.

Он замолотил лбом в грязь, хрипло умоляя:

— Владыка! Мы... мы тоже дети народа демонов! Сейчас же Яозу устраивает великий сбор, и Вас, мой повелитель, пригласили явиться! Если вы здесь устроите резню и истребите нас, это вызовет ужас... и возмущение во всём мире...

— Вот как? — холодно отозвался Мозун.

Шрамолицый поднял глаза — и увидел того, чьё имя само по себе внушало панический ужас. Чёрный наряд сливался с ночной тьмой, алые глаза пылали, будто источали жар преисподней.

Бог демонов чуть приподнял уголок губ. Едва заметно. Презрительно. Пусто.

— И что с того?

Ветер усилился. На теле Шрамолицего вспыхнул огонь души — он смешался с дождём, завывая в потоках ветра.

Мозун Дажэн опустил взгляд, наблюдая, как тот превращается в хлесткую кровавую кашу и исчезает без следа:

— А мне какое дело до их мнения.

В последнюю секунду, когда его тело уже растворялось в небытии, Шрамолицый выкрикнул в искажившемся проклятии:

— Мозун, ты... демон! Ты жестокое чудовище! И у тебя есть муж и ребёнок?! Чтобы ты... чтобы ты никогда... не получил...

Проклятие растворилось в воздухе, так и не родившись до конца.

Мозун Дажэн совершенно не обратил внимания. Его лицо оставалось спокойным, безмятежным. Он повернул голову и посмотрел на Цзянь Чжэня, сидящего у колонны.

Но Мозун увидел, что на бледном лице Цзянь Чжэня залегла непривычная для него серьёзность: юноша хмурил брови, глядя на место, где исчез Шрамолицый.

Владыка чуть приподнял бровь:

— Испугался?

Цзянь Чжэнь тихонько покачал головой. Он уже давно был не той маленькой травинкой, что ничего не видела. В иллюзиях Бога демонов ему доводилось видеть куда более кровавые картины. Да и эти люди всё это время пытались его убить — разве трава должна переживать о чужой морде? С чего бы вдруг ему пугаться?

Мозун Дажэн прищурился:

— Тогда что?

Цзянь Чжэнь сжал губы и едва слышно произнёс:

— Он... только что проклял тебя.

Владыка тихо хмыкнул:

— В мире полно тех, кто меня ненавидит. Стоит ли обращать внимание на такие мелочи.

Цзянь Чжэнь посмотрел на его равнодушно-надменный профиль и совершенно по-смешному, почти не слышно пробормотал:

— Тебе всё равно... а мне слушать такое... неприятно.

Улыбка на лице Мозун Дажэна медленно угасла.

В разрушенном храме, среди ветра и дождя, высокий, величественный мужчина стоял между ним и стихией, заслоняя собой холодные порывы — словно неприступная гора, вставшая на его стороне.

Мозун Дажэн спросил:

— Сколько месяцев?

Цзянь Чжэнь моргнул, сообразил, о чём речь, и, чуть запоздало коснувшись живота, послушно ответил:

— Похоже... два с лишним.

На плечах Цзянь Чжэня тут же оказалась тёплая, широкая накидка — пропитанная знакомым запахом Владыки, она мягко окутала его, будто отрезая весь холодный мир снаружи.

— Идём домой, — сказал Мозун Дажэн.

Цзянь Чжэнь покосился на него: даже среди руин, под дождём, мужчина выглядел так, будто ни одна сила в мире не способна сделать его жалким. Статный, собранный, пугающе безупречный.

Глядя на его спокойное лицо, Цзянь Чжэнь спросил с робким любопытством:

— Ты... даже не хочешь спросить, вдруг я соврал?

Мозун Дажэн бросил на него взгляд, лениво произнёс:

— Мне это не нужно.

Цзянь Чжэнь искренне удивился:

— Почему?

Ну... может, потому что он честная и надёжная маленькая травинка?

Хе-хе.

— Потому что, — Мозун Дажэн улыбнулся едва заметно, а его взгляд скользнул по юноше, — с твоей головой... даже если бы тебя связали, ты всё равно не смог бы придумать настолько хитрую ложь, чтобы меня обмануть.

Цзянь Чжэнь: «...»

Возмутительно! Даже если это правда!

<http://bllate.org/book/12641/1121231>